

ношений. Особенное развитие получила историческая имагология применительно к изучению восприятия СССР в США. В настоящее время исследования строятся вокруг уже ставших классическими понятиями «воображаемая география», «воображаемые сообщества», «идентичность». В рамках проекта предстоит показать формирование и эволюцию радикально отрицательного образа России/СССР в американском обществе как конкретно-исторический процесс общественной жизни США, в котором нашли отражение и общие (характерные для цивилизации в целом), и национальные закономерности. Исследование эволюции русофобии в США строится на понимании важности социокультурного контекста, в котором данные образы создаются и функционируют, формируя тем самым, новый культурный контекст, прочно входя в мифологию американского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куропятник Г. П. Россия и США: Экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981.
2. Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914-1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
3. Козенко Б.Д. Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914-1917 годах // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 140-157.
4. Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.
5. Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830-1850-е годы. Волгоград, 2005.
6. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850-1880-е годы. М., 1998.
7. Алексеева К.В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914-1917 гг. Л., 1990.
8. Васюков С.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий: в 4 т. М., 1957 – 1961.
10. Гершов З.М. "Нейтралитет" США в годы Первой мировой войны. М., 1972.
11. Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983.
12. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1966.
13. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.
14. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М., 2009.
15. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М., 1995.
16. Мягков М.Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941-1945 гг. М., 2006.
17. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.
18. Юнгблуд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939-1945 гг. Киров. 1998.
19. Abbot P. Political Thought in America. Long Grove (IL), 2005.
20. Adler S. The Uncertain Giant, 1921-1941. American Foreign Policy Between the Wars. N.Y. 1965.
21. Bacevich A. American Empire. Cambridge (MS), 2002.
22. Collin R.H. Theodore Roosevelt, Culture, Diplomacy and Expansion: a New View of American Imperialism. Baton Rouge (LA), 1985.
23. Fleming D.F. Cold War and Its Origins, 1917-1960. Vols. 102. N.Y., 1960.
24. Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" Since 1881. Cambridge (MS), 2007.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ БРИТАНСКИМ КОЛОНИАЛИЗМОМ В ИНДИИ

Злобин С.С. (г. Минск, Беларусь)

Историю первой половины XX в. невозможно писать без упоминания о колониализме. Особенно о британском колониализме в Индии. Британский колониализм оказал глубокое влияние на современный облик Южной Азии. Он проникал в повседневную жизнь, в систему образования и для своих целей использовал все, в том числе и исторические знания.

В этом плане перспективным видится применение достижений постколониализма, который ставит своей целью многостороннее и междисциплинарное изучение колониализма. Постколониализм [7] – направление в гуманитаристике, берущее начало с выходом в 1978 г. книги Э. Саида «Ориентализм». По постколониализму, дискурс о Востоке – сложный комплекс знания / власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, предписывающих Востоку посредством различных дискурсивных практик подчиненное географическое положение [1, с. 23–24]. Приращение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Западом на репрезентационные средства, что позволяет генерировать мифы, конструирующие единственно возможную реальность.

Согласно постколониальному дискурсу, основой британской колониальной власти было конструирование Индии как замкнутого в себе Другого по отношению к Британии, Другого, обладающего своей загадочной, скрытой сутью и выступавшего как цивилизация. Использование исторических знаний заключалось в конструировании двух разных миров. До-современность (Индия) – мир, в котором живет угнетенный (индеец, женщина,

угнетенный), мир, наполненный религиозными стереотипами, основанный на традиционных структурах, системе каст, подчинении. Современность (Британия) – мир передовой, либеральный, наполненный настоящим зрелыми категориями: политика, юриспруденция, нация; мир, требующий рывка от мира древности для перехода на более высокую ступень развития.

Наследие З. Фрейда занимает значительное место в постколониализме. Концепт «бессознательное» как совокупность неосознанных причин структурирования данных в нетребующие рефлексии очевидности не мог не привлечь внимания постколониальных авторов, основной пафос теорий которых заключается в отказе от объяснений, что же не так с угнетаемым миром при помощи формулировок наподобие «было сделано то-то и получилось следующее». Достижения З. Фрейда привлекаются посредством соединения их с постмодернизмом. Большим уважением в постколониализме пользуются теоретические достижения Жака Лакана, Жюльена Делеза, Феликса Гваттари. Например, Ж. Лакан активно занимался дискурс-анализом, имел сложные отношения с мировым сообществом психоаналитиков, не всегда готовым принять его нетрадиционный взгляд на психоанализ [4]. Ссылками на этих авторов наполнены работы лидеров постколониализма Г. Спивак, А. Нанди, Х. Бхабха. Х. Бхабха особенно интересуется творчеством врача-психиатра с Мартиники Ф. Фанона, работавшего в Алжире во время войны за независимость и которого некоторые исследователи называют отцом постколониализма вместо Э. Саида. Х. Бхабха – автор предисловий к работе Ф. Фанона. Например, «Черная кожа, белые маски» [2, р. хxi–xxxvii]. А. Нанди сделал психоанализ своим основным методом изучения колониальной власти в Индии [5, 6].

Целью применения психоанализа является артикуляция бессознательных мотивов за видимым происходящим. В случае изучения исторических знаний как стратегии британской колониальной власти в Индии целью будет являться раскрытие пространства бессознательного, в силу действия которого исторические знания находились в существенной зависимости от этой власти. То, как достигается эта цель, возможно описать, прибегнув к разработанной Ж. Лаканом триаде реальное-воображаемое-символическое и к ее проявлению в работах А. Нанди.

Объектом анализа является некая реальность, которая состоит из иллюзий, образов и обманов. Это и есть исторические знания в виде конкретных изречений, произведений, использования исторических стилей в архитектуре и т.д. В терминах Ж. Лакана эта реальность представляет собой воображаемое. Например, А. Нанди в своем произведении «Близкий враг: утрата и восстановление своей личности при колониализме» в качестве такой реальности рассматривает взгляды ориенталиста Макса Мюллера и теолога Альберта Швайцера на особенности истории и культуры Индии. Эти взгляды А. Нанди приводит как иллюстрацию двойственности колониальной идеологии. Во-первых, колониальная идеология постулировала четкое разделение между прошлым Индии и ее настоящим. Цивилизованная Индия была в отжившем прошлом. Настоящая Индия только номинально была связана с историей. Это была Индия только в степени, в которой она была дряхлой, немощной версией своей когда-то молодой, креативной сущности. Макс Мюллер запрещал своим ученикам посещать Индию; согласно ему, Индия, которая жила, была ненастоящая Индия, а Индия, которая была настоящая, хоть и существовала, но мертвая. Во-вторых и парадоксально, колониальная культура постулировала, что индийская последующая деградация была не вследствие колониального правления, а вследствие аспектов традиционной индийской культуры, которая несмотря на положительные моменты, несла семена последующего культурного падения. Так Альберт Швайцер сделал своим центральным пунктом интерпретации индуизма отсутствие в нем концепции, соответствующей пост-реформаторской христианской концепции греха, что рассматривалось как одно из главных доказательств рокового культурного недостатка Индии [6, р. 17–18].

Средством анализа этой реальности не может выступать обращение к другой реальности. Ответом, почему Макс Мюллер считал, что прошлое Индии мертво, не может быть реконструкция особенностей психического склада Макса Мюллера или окружения, в котором он жил, т.к. это повлечет за собой новый виток репрессивной истории об Индии, о Британии, о той оппозиции, деконструкция которой является целью исследования. Поэтому для того, чтобы добраться до причины этой репрессии, постколониальный исторический дискурс должен работать не с означаемым деконструируемой реальностью, исторического знания, а с его означающим, т.е. с тем дискурсом, с тем контекстом, в котором эта реальность описывается и что Ж. Лакан называл символическим и действие чего связывал со стихией языка.

А. Нанди, разбирая основные проблемы истории как дисциплины модерна, выстраивает психоаналитический дискурс развития колониальных исторических знаний в виде намеков на проявление исторических знаний, намеков на репрессивность истории как дисциплины модерна. А. Нанди рассмотрение прихода в Индию европейского концепта истории начинает с обращения к комментарию к Махабхарате первого, как отмечает А. Нанди, неевропейского психоаналитика Гириндрашекхара Боса (1886–1953). А. Нанди отмечает, что этот комментарий имеет так мало общего с психоанализом, что даже самые чуткие комментаторы Г. Боса в большинстве своем его игнорировали [5, р. 58]. Для Г. Боса было очевидно, что современные западные историки, Запад потеряли доступ к определенным формам сознания, которые были обязательны для более открытого, креативного прочтения пуранических текстов [5, р. 59]. Г. Бос принял психоанализ как способ понимания своего общества и культурных продуктов своего общества, включая пуранические тексты [5, р. 59]. Г. Бос пришел к заключению, что пураны были сами формой истории [5, р. 60]. Приступая к собственному анализу истории, А. Нанди задается вопросами, если бы Бос жил сегодня, говорил бы он о пуранах как об альтернативной истории или как об альтернативе для истории, должны ли мы интерпретировать пураны как историю и т.д. [5, р. 60].

Свой психоаналитический язык в отношении репрессивности пришедшей к Индии практике истории А. Нанди также ограничивает словами о забвении и молчании [5, р. 66], историческом сознании [5, р. 65].

Если нет четкой формулировки причин того, как исторические знания реализуются как стратегия британской колониальной власти, и работа ведется только лишь с целью продления ряда означающих, то что же тогда есть причина этого процесса? Трактовка причины зависимости исторических знаний от феномена власти в постколониализме напоминает использование Ж. Лаканом концепта «реальное». Концепт «реальное» не представляет реальности, но это нечто, что, находясь вне дискурса, в тоже время предопределяет его конфигурацию. Это травма, которая всегда с нами, оставаясь невыразимой. Функционирование «реального» схоже с тем, как Х. Бхабха раскрывает механизм действия оппозиции до-современная Индия – современная Британия, не обращаясь к конкретному анализу создания и развития понятий и категорий истории как дисциплины или формы общественного сознания, а утверждая, что современность – это никогда недосыгаемый объект желания для живущего в до-современности.

Что же такое бессознательное? Если причину репрессивности дискурса можно охарактеризовать лишь, используя сам же этот дискурс, то, следовательно, и бессознательное будет находиться в этом дискурсе. Так оно и есть. Бессознательное есть собственно история. Нельзя, например, написать историю бессознательного. А. Нанди не выходит за рамки разъяснения причин репрессивности истории, основывающегося на генеалогии отношения истории к понятию прошлого. А. Нанди приходит к выводу, что в цивилизации, где много прошлых, охватывающих много болезненных воспоминаний и враждебных чувств, абсолютизировать их при помощи европейской концепции истории значит атаковать организующие принципы цивилизации [5, р. 65].

Размывание психоаналитического языка, растворение его в дискурсивных практиках, потеря четко выстроенных рядов от сознания к бессознательному, потеря ссылок на структурирование психики личности неизбежно в условиях развития рассмотрения становления психоаналитического подхода в колониальных условиях Индии. В исследованиях взаимоотношений между британским колониализмом и психоаналитическими практиками, теориями, «психическим» в Индии недостатка нет [3, 8].

Психоаналитический метод ориентирует на более чуткое отношение к генеалогии исторического дискурса в колониальной Индии. Более чуткое, чем описание того, в каких произведениях каких британских и индийских историков появлялось то или иное историческое понятие. Изучение роли колониальных исторических знаний выходит за рамки работы с исторической дисциплиной. В сочетании с постколониальной деконструкцией оппозиции до-современная Индия – современная Британия, это позволяет применять концепты травмы, вытеснения, откладывания для оценки сложившегося исторического разрыва между постоянно убегающим вперед Западом, Европой и постоянно его догоняющими Индией, Пакистаном, Бангладешем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саид, Э. Ориентализм: западные концепции Востока / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Рус. мир, 2006. – 636 с.
2. Fanon, F. Black skin, white masks / F. Fanon ; transl. C. L. Markmann. – New York : Grove Press, 1967. – 232 p.
3. Hartnack, C. British psychoanalysts in colonial India / C. Hartnack // Psychology in twentieth century thought and society / ed.: M. G. Ash, W. R. Woodward. – Cambridge, 1987. – P. 233–251.
4. Lacan, J. Écrits: a selection / J. Lacan ; transl. from the French A. Sheridan. – New York : Norton & Co, 1977. – XIV, 338 p.
5. Nandy, A. History's forgotten doubles / A. Nandy // History a. Theory. – 1995. – Vol. 34, № 2. – P. 44–66.
6. Nandy, A. The intimate enemy: loss and recovery of self under colonialism / A. Nandy. – New Delhi [etc.] : Oxford Univ. Press, 1983. – XX, 121 p.
7. Postcolonial studies reader / ed.: B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – London ; New York : Routledge, 1995. – XVIII, 526 p.
8. Srinivasan, S. K. Freudian doubles: psychoanalysis and governance in colonial India / S. K. Srinivasan // J. of Humanities a. Social Science. – 2014. – Vol. 19, № 10. – P. 41–53.

ДОМИНИОНЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ФИНАНСОВО-ТОРГОВОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Семенова Л.Н. (г. Минск, Беларусь)

Характеризуя противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, приведшие ко Второй мировой войне, принято выделять два или три центра силы со своими метаидеологиями: капитализм и социализм, или либеральная демократия, фашизм и социализм. При любом раскладе Великобритания и США попадают в один центр: капиталистический и демократический, тем более во Второй мировой войне страны были союзниками по антигитлеровской коалиции и совместно открыли второй фронт в помощь Советскому Союзу. Между тем в межвоенный период ткань отношений между странами, прикрывавшая их внутренние неурядицы, превратилась в настолько болезненный нарыв, что излечить его в рамках существующей системы можно было лишь хирургическим, т.е. военным путем.

Болезнь настигла не внезапно, она была вызвана особенностями развития мировой капиталистической системы. Лидерство в ней не вечно, и даже не долго. Связанное с цикличностью капиталистического накопле-